



О чем это я? Да, все началось восемь часов назад с пи-пи-пи-пи... Пи-пи-пи-пи. Пи-пи-пи-пи. Не спать. Через час я сижу в нарядной.

Ночная, скажем так, – не очень удобная смена. Потому что спать хочется. А вот копать лопатой, да еще под землей, – как-то не очень. Да и ночью копать под землей – это же нелепость и абсурд! Ну что тут поделывать, человек так устроен, ночью хочется спать. Спать... Но! Помимо природных, есть еще и другие законы, которые предполагают мою ночную работу. И вот я нахожусь в нарядной вместе со всей нашей бригадой. Горный мастер сидит за единственным в помещении столом. Остальные сидят на скамьях, расставленных по периметру комнаты. Каждый сидит со своим пухлым полиэтиленовым пакетом. Вверху на потолке горит люстра, свет от люстры гепатитно-желтый. Он струится на наши лица и на стены нарядной. За спиной горного мастера, склонившегося над книгой нарядов, два окна, а за двумя большими окнами темная ночь, лишь светятся огоньки построек шахтоуправления. А напротив, на стене, над дверью, висит тарелка часов, и часы показывают одиннадцать. 23:00. Час до полуночи. Это было семь часов назад.

Еще полтора месяца назад я особо не переживал за ночную смену. Потому что приходил на свою точку, обойдя километры вверенной мне конвейерной трассы, и, предусмотрительно подложив под спину кусок резины, ложился на горячую подстанцию и спокойно спал. Спокойно. И видел сны. Просыпался от «пи-пи-пи-пи» моего будильника или сам, без его помощи. Ну, еще, меня мог потревожить звонок горного мастера, который просил что-нибудь сделать. (Уи! Уи! – так звонил подвешенный за крепление шахтный телефон, и я сейчас думаю, что между этим «Уи! Уи!» огромного шахтного телефона и «пи-пи-пи-пи» моего будильника есть какая-то СВЯЗЬ.) Или иногда, когда я так крепко спал, что будильника не слышал, в конце смены меня будили проходчики, которые уже закончили сыпать уголь или породу. И мы вместе вслед за полезными и бесполезными ископаемыми отправлялись по лентам в лежачий путь, что было запрещено категорически. Я замыкал звено и, спрыгнув с очередной ленты, ее отключал, запрыгивал на следующую, ложился и ехал дальше. Лежащие во тьме... Черная река...

Через полчаса я был уже на поверхности, а через час дремал в автобусе. Спать... Но! Это безмятежное времяпрепровождение закончилась полтора месяца назад. Разработчики новой лавы (пусть вырастут у них ослиные уши!) допустили ошибку, и уголь снизу стал приходиться мокрый, с водой. Чудовищная

ошибка. Чудовищная. Ленты не выдерживали такого груза, прокручивались, заваливались на бок, рвались. Груз просыпался на нижнюю ветку и забивался в натяжные. Помимо всего этого, жидкая грязь налипала на ролики, и они прокручивались. Беда, бедствие! Вместо десятка лопат приличия и пяти лопат скуки – так было раньше – тебя ждали пять часов тяжелого шахтерского труда, к которому я, честно говоря, не привык.

И все-таки сегодня, я надеялся, что смогу поспать хоть часок-другой. Все-таки. Потому что человеку свойственно надеяться на лучшее. Даже если, как в моем случае сегодня, ты знаешь в нарядной, что сменяешь на самом дальнем рубеже шахтного горизонта Антона Морозова, лупоглазого имбецила, моего сверстника, которого взяли на участок по протекции его заслуженного дяди. Дядя Морозова был старым орденосцем труда и бесменным начальником главного добычного участка. Уволить Антошу не могли по той же причине, что и взяли на работу. Хотя, безусловно, было за что. Антоша хотя и вовремя приходил на работу, но уходил всегда не вовремя и несмотря ни на что. Ленты останавливались, а его на месте не было, пересыпы были всегда завалены. Антоша писал объяснительные, лепил и врал в них все, что приходило в голову. (Лжец, лжец!) Типа: «Я отошел пописать, вернулся – все завалено». (Ложь, ложь!) Хоть ссы ему в глаза – он всегда врал. Ничего не действовало, ни доносы, ни разговоры по-мужски при случайных и неслучайных встречах, ему было все равно, потому что он был контуженный, так как успел послужить в Афганистане, и головка у него была бо-бо. Но ничего не поделаешь, слово «смена» подразумевает, что ты кого-то должен сменить, и сегодня этот кто-то – Антоша Морозов, дебиловатый воин-интернационалист.

Шесть часов назад я подходил к точке моего ночного одиночества. Под захлопнутой крышкой ларца Пандоры оставалась одна надежда. Последний поворот и... Запахло женой резиной. Ну е-тж твою мать. Антоша. Чуда, на которое я рассчитывал, предсказуемо не произошло. Натяжная была вся завалена породой. Ее было даже не видно. Нижняя ветка терлась резиной о завалы, уже готовая остановиться. Антоша. Воин-интернационалист. Ушел раньше, ленту не остановил. Так. Держим удар судьбы. Но сперва на Антошу – настучать. Я вломил Антошу горному мастеру, но сочувствия в трубке телефона не услышал. Я взял в руки лопату.

Сначала нужно было очистить карман натяжной. Пятнадцать минут. Сделано. Теперь сама натяжная.

Лом. Лопата. Лопата.  
Лопата. Быстрее. Быстрее!  
Разблокировка. Пошел  
к пускателю. Щелчок.  
Лента нехотя закрипела  
и... пошла, родимая, пошла!

За полчаса я уничтожил образовавшиеся по обе стороны горы перемолотого натяжной угля и породы, которые пришли в ее пасть по нижней ветке и которые она, похрустев, навывлеивала в обе стороны обратно. Уф. Сделано. Кофта на мне пропиталась потом. Дальше. Я принялся откапывать самую натяжную. Порода под ней была настолько плотно утрамбована, что пришлось прибегнуть к помощи лома. Сначала лом, потом лопата. Чередование. Лом и лопата. Лом. Не спать... Блин, но как так можно было все запустить?! Антон Морозов. Проклятый афганский синдром. Да он, наверное, всю смену лопату в руки не брал! Я был возмущен. Лом и лопата. Лопата. Лом. Внезапно застучал уголь в плиту пересыпа – это значит, что добыча десять минут как уже работает и сыплет груз на ленты, первые порции которого сейчас дошли и ударились здесь в железный гонг. Даешь стране угля. Даешь. Лом. Лопата. Лом. Через четыре года здесь будет город-сад...

Через полтора часа натяжная была откопана. Рядом с ней также были очищены от породы запруженные каналы. Расстояние от нижней ветки ленты до земли составило приемлемые двадцать сантиметров. Все соответствовало моим эстетическим представлениям о том, как должна выглядеть натяжная и как должен выглядеть изнуренный работой шахтер. Все. Перерыв. Нагнувшись, я прошел под грохочущим пересыпом, сел на скамейку возле телефона и развернул тормозок. Мой ночной ланч составляли две пиццы из шахтного буфета. Чтобы избежать гарантированной изжоги, я запивал их чаем из пластмассовой бутылки. Сквозило, я стал остывать. Я надел свой скинутый в начале смены ватник и уселся поудобней. Теплота. Спать...

Громыхал уголь в плиту пересыпа. Под этот грохот я стал усиленно думать, что вот мы, я и мои сотоварищи поневоле, другие шахтеры, погребенные

здесь, здесь, глубоко под землей, добывают шлак из утробы планеты и разворачивают ей кишки, а над нами нависают и давят на крепь вырытых нами ходов и нор неразработанные пласты породы и угля, а ближе к поверхности могут быть камни, песок и перегной. А на поверхности растут надо мной самые высокие деревья, сосны и секвойи, и они гнутся и шумят на теплом ветру. А на полянах между ними растут самые яркие цветы и гуляют по полянам самые прекрасные девушки, подобные тем, что изображены на полиэтиленовых пакетах, оставшихся висеть наверху в раздевалке. Девушки в белом, чудесные, высокие, с тонкими и длинными, как ветви, руками, высокие и прекрасные, высокие, как сосны, и высокие, как секвойи. Девушки смеются, хохочут, прыгают и резвятся в траве, бросают и катают по зеленой поляне

БОЛЬШОЙ БЕЛЫЙ ШАР. Растут яркие цветы,  
КРАСНЫЕ МАКИ...

Остановка! Ну вот, блин. Уи-уи. Лента стояла, на нижней ветке опять был груз. Уи-уи. Я взял трубку надрывавшегося телефона и пообещал диспетчеру, что в ближайшее время выясню причину остановки и скоро запущу конвейер. О причине остановки я уже догадывался, груз был на нижней ветке, а значит, натяжная была снова забита. Пройдя под пересыпом и подойдя к ней, я в этом убедился, и объем моих проклятий был прямо пропорционален объему вновь образовавшихся завалов. И если бы мои ругательства можно было материализовать, то от возникшей кучи радиацией убивало бы все живое в радиусе нескольких сот метров. Лом. Лопата. Лопата. Лом. И, думаю даже, все неживое.

Лом. Лопата. Лопата. Мои проклятия были персонализированы, они адресовались не только судьбе, устроившей мне ночь тысяча одной лопаты, но и мудакам, которые неправильно спроектировали новую добычную лаву. Еще я проклинал тех злых людей, которые придумали ночную смену и тяжелый шахтерский труд. Лопата. Лопата. Лопата. И Антон Морозов, воин-интернационалист, конечно, снова попал в мой список, хотя – так... лом! – нужно быть справедливым, он не был виновен в последней остановке. Лом. Лопата. Лопата. Проклятье! Лом! Мой список был открыт и только пополнялся. Лом. Лопата. Лопата. Имена, правда, повторялись но – лопата! – вот Бога в моем списке не было, потому что я думал, что его нет. Лопата. Лом. Лопата. Зато была шахта, моя лопата и мой лом – лом! – а также часы моих усилий и моего труда. Лом. Лопата. А если он и был, то это был жестокий и несправедливый демиург.



Наверху меня ждала новая и счастливая жизнь. Я был преисполнен радостных чувств, и волны счастья накатывали и накатывали на меня. Свет, в котором я пребывал, развеял все мои тревоги и страхи, и я всем все простил.

резины, обломки гнилых шпал и обрезки металлоконструкций попадались у меня под ногами. Я спотыкался и спотыкался, идя во тьме. Единственным источником света был мой фонарь, который был закреплен на каске. Луч света гулял по сводам подземелья, выхватывая из темноты ржавые арки и надломленные крепления с согнутыми или сломанными под тяжестью ржавыми прутьями. В бетонные прорехи выпирала порода, давя на ржавое железо и прохудившийся бетон, стремясь завалить искусственно сделанное под землей сооружение. Стены туннеля были мокрые, и везде струилась вода. Везде хлюпало, журчало и капало. Выработка была старая и ненужная, и за ее состоянием никто не следил. Крепёж могла вот-вот обвалиться, о чем свидетельствовали кучи просыпанной породы у меня на пути. Я шел и постоянно смотрел наверх. Было как-то не по себе. Измена! – вот как называется это чувство. Меня вот завалит здесь камнями, и солнца я больше не увижу. Я и так уже погребен, но пока еще не умер. Прошедшая смена – это только отсрочка. А на поверхности уже, наверное, рассвело. Наверное. Я не мог этого утверждать, а мог только предполагать, потому что наверху за время моего отсутствия могло произойти черт знает что. И ядерный удар, и апокалипсис, и могла комета зацепить хвостом землю – мое бессонно-усталое сознание все эти варианты рассматривало. Я шел в темноте и в тревоге. На сыром сквозняке, гуляющем в выработке, я быстро остыл, и становилось холодно. Я ускорил шаг, чтобы согреться. Справа что-то метнулось, и мой луч на мгновение схватил серую тушку. В темноте блеснуло двоеточие красных глаз. Крыса! В шахте

полно крыс. Не хватало только летучих мышей-вампиров и монстров. Их пока не было, но мое состояние предполагало, что эти твари где-то рядом и скоро появятся. Ноги бы отсюда побыстрее унести. Быстрее. Быстрее! Я должен попасть на спутник. Сосредоточиться и идти. На черной-черной планете есть черная-черная страна...

64-й пикет. Где-то должно быть здесь. Пройдя дальше и пошарив вокруг лучом светильника, я обнаружил недалеко за нумерованной табличкой, прикрученной проволокой к арке, ход наверх. Лестница была сделана недавно, и ее доски еще сохраняли свою девственную белизну, которая смотрелась в шахте необычно. Я пошел вверх по ступеням и, поднявшись на высоту, соразмерную высоте пятиэтажного жилого дома, уткнулся в дверь, обитую резиной. Тяжело дыша от подъема, я взялся обеими руками за ручку. Борясь с перепадом давления, я с усилием потянул дверь на себя и... меня неожиданно залило потоком яркого ослепляющего света. Оглушенный симфонией этой радостной иллюминации, я переступил порог и, ничего не соображая, сделал еще пару шагов, как будто кто-то другой открыл мне дверь с обратной стороны, указал на меня пальцем и сказал: «Ты!» – и я послушно пошел на свет. Вот он я, Господи, смотри – раб твой выполз из тьмы.

Щурясь как крот, я оглядывался и привыкал к свету. Наклонный ствол канатки был весь в гирляндах неоновых ламп. Для пешего пути наверх вела дорога из новых деревянных щитов с набитыми на них рейками. Они лежали на свежeverьтой земле. Земля была черная, жирная, она блестела, ее комья источали аромат. Под арочным сводом, снизу, с дальних рубежей, тянулся и двигался толстый стальной трос. К тросу с небольшими промежутками друг от друга были приварены металлические палки с сиденьями, обитыми резиной. Палки шли наверх и своими концами мерно лязгали о ролики, на которых канатная дорога была подвешена к аркам. Я поймал, оседлал одну из них и поехал.

Меня тянуло наверх, я сидел, обняв руками металлический шест, и мои ноги болтались над землей. Наверху меня ждала новая и счастливая жизнь. Я был преисполнен радостных чувств, и волны счастья накатывали и накатывали на меня. Свет, в котором я пребывал, развеял все мои тревоги и страхи, и я всем все простил. Всем, включая Антошу Морозова. От сочного запаха древесины и свежей земли дурнела голова. Я узнал этот запах. Этот запах был из моего далекого детства. Так пахло в погребке у бабушки в деревне, куда на лето меня отво-

